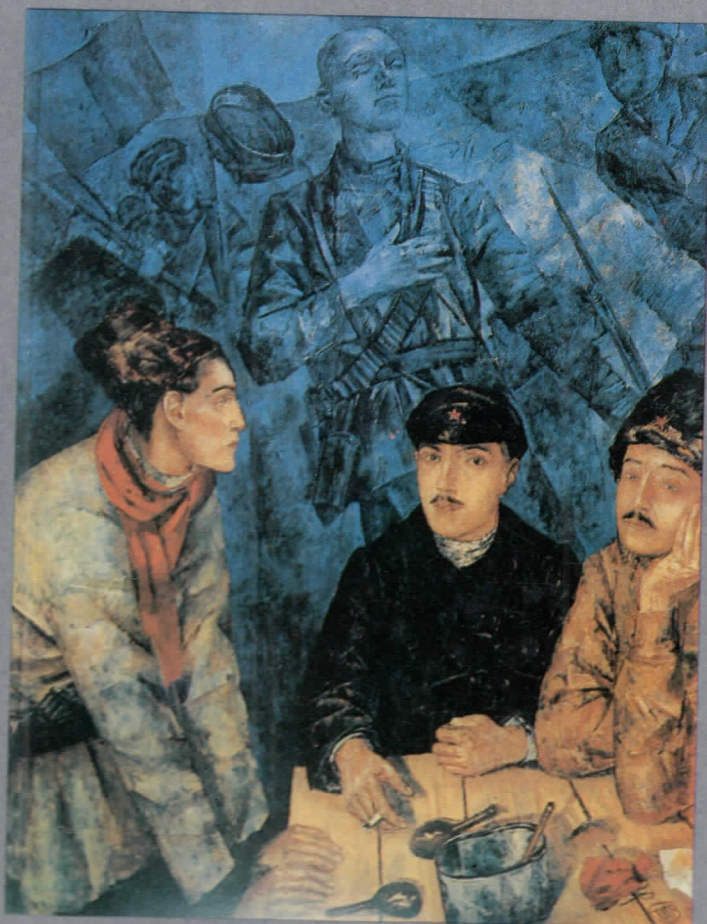

ФАКЕЛ

историко-
революционный
альманах

'90

историко-
революционный
альманах

ФДАЖЕЛ

232
3314

819

633
Н1808

Редакционная коллегия:
Ю. В. Давыдов, С. В. Колесников,
А. А. Чернобаев, Н. Я. Эйдельман

Под научной редакцией
доктора исторических наук
Г. З. Иоффе

Факел. 1990: Ист.-рев. альманах.— М.: Политиздат,
Ф18 1990.— 320 с.: ил.

В этом выпуске альманаха продолжается публикация разнообразных материалов об участниках революционного движения в России: декабристах, народниках, большевиках. Читатель найдет здесь очерки, уникальные архивные документы и фотографии, воспоминания, письма, большинство из которых публикуется впервые. Особое место занимают сюжеты о «белых пятнах» истории, незаслуженно забытых именах. Раздел «Писатель и история» рассказывает о книге Л. Фейхтвангера «Москва 1937». «Взгляд с той стороны» на этот раз представлен отрывками из дневников царского министра внутренних дел П. Валуева, идеолога белой эмиграции П. Милюкова и другими материалами.

Издание богато иллюстрировано, рассчитано на массового читателя.

Ф 0503020000—078 117—90
079(02)—90

ББК 63.3(2)+66.61(2)2

На переплете использованы
слайды с картин:
Т. Назаренко «Декабристы, 1825:
восстание Черниговского полка» (1978),
«Казнь членов организации
«Народная воля» (1969—1972),
К. Петрова-Водкина
«После боя» (1923),
а также с портретов
семьи декабриста Норова,
хранящихся ныне у О. Н. Арденс.

На I форзаце —
фрагмент картины П. Соколова-Скаля
«Штурм Зимнего»,
на II форзаце —
фрагмент картины В. Подковырина
«Взятие Кремля
3(16) ноября 1917 г.».

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников*
Редакторы-составители *З. У. Устенова, Н. Б. Чунакова*
Младшие редакторы *Н. В. Квашук, Н. С. Коблякова*
Художник *Е. Г. Капустянский*
Художественный редактор *А. Я. Гладышев*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

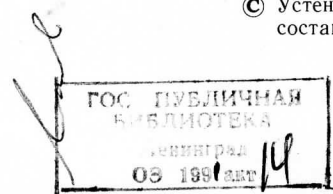
ИБ № 8209

Сдано в набор 21.03.90. Подписано в печать 25.10.90.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28. Усл. кр.-отт. 57,75. Уч.-изд. л. 31,85. Тираж 100 000 экз. Заказ № 504. Цена 2 р. 10 к.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

© Колл. авт., 1990
© Устенова З. У., Чунакова Н. Б.,
составление, 1990

Аптекман Осип Васильевич (1849—1926), студент Медико-хирургической академии. Активный участник землевольческих деревенских поселений. Член обществ «Земля и воля» и «Черный передел». С конца 90-х годов XIX в. придерживался социал-демократических взглядов, принимал участие в первой российской революции, был сторонником Октябрьской революции.

О. В. Аптекман

ОБЩЕСТВО «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ» 70-х гг.

...Справедливость требует сказать, что первая народническая программа была прекрасно и толково написана, особенно ее догматическая и тактическая части. Конечно, ничего оригинального в этой программе не было. Это была, прежде всего, программа Бакунина, только более полно обоснованная историческими данными и фактами современной действительности¹. Отношение программы к социализму было вполне определенное. Социализм, как доктрина, социалистический строй, как конечный идеал, признается и этой программой.

Но в применении к русской действительности социализм, по необходимости пришлось урезать, так сказать, окорнать: взять из него только то, что не противоречит исконным народным идеалам, воззрениям и требованиям, вылившимся в определенные формы уклада народной жизни. Получился, таким образом, компромисс между идеалами социализма, с одной стороны, и народными идеалами — с другой. Это — характерная черта нашей революционно-народнической программы. Таковую она по существу оставалась все время. Дальнейшая эволюция не внесла в эту программу ничего существенного. Когда спустя год, согласно уставу общества, был поставлен на очередь вопрос о пересмотре программы, то, за исключением нескольких дополнительных пунктов о деятельности в народе, в самой программе, в ее целом никаких изменений не было сделано.

Программа была принята. <...>

С принятием устава и программы завершилось формально присоединение харьковско-ростовского кружка к кружку петербургских «революционеров-народников». Так образовалась «Северная революционно-народническая группа», известная уж со второй половины 1878 года под именем общества «Земля и воля». <...>

О. В. Аптекман.

Работа предстояла громадная. Ввиду тех целей, которые себе поставила «Земля и воля», необходимо было завязать широкие сношения как в обществе, так и среди молодой интеллигенции; необходимо было установить определенные отношения к революционно-народническим группам юга России («южанам») и прочим революционным группам (уральской группы...); необходимо было, наконец, привести в известность массу «одинок»-революционеров такого же народнического направления, как и само общество «Земля и воля», и так или иначе приобщить первых к последнему. Вся эта работа почти целиком лежала на Марке [Натансоне], и он выполнил ее, по правде сказать, прекрасно.

Весною 1877 г. общество «Земля и воля» уже стояло наготове, во всеоружии, так сказать, чтобы выступить на новый путь революционной деятельности в народе. Общество мобилизует своих членов для организации «поселений» в Поволжье и на Дону. Наша организация была еще юная, наша программа новая, наш путь — не проторенный еще путь. Конечно, немало препятствий еще предстояло нам преодолеть, но мы шли бодро: мы знали, чего мы хотим и куда мы идем. <...>

Как известно, верховными принципами нашей тактики в народе были агитация и организация. Агитация, опираясь на насущные народные требования, имела ближайшей своей целью создание в народе постоянной оппозиционной атмосферы. Агитируя в народе, мы воспитываем в нем непрестанно

дух неповиновения, дух отрицания и протеста против существующих отношений. Дреmlющее в народе смутное чувство недовольства путем разумной и систематической агитации превращается в ясно сознанный протест: правосознание народное проясняется, революционизируется.

А революционное настроение и революционное правосознание являются самыми благоприятными условиями для организации в народе боевых сил, боевых дружин, с целью объединения их в народно-революционную партию, призванную в известный момент осуществить народную революцию.

Такая постановка задач и целей в народе потребовала, само собою, от общества «Земля и воля» строгой организованности, плановости и согласованности в действиях. Для этой цели создается на первом плане «Землю и волю» деревенская группа — «деревенщина», долженствующая оперировать в деревне. Но как? Предыдущий опыт нас научил, что кочевая летучая форма революционной деятельности в народе — пропагандистская или агитационная, — все равно, не достигает своей цели, а потому ее надо совсем оставить. Наша предстоящая работа в народе обязательно требует, чтобы мы, наоборот, солидно утвердились в деревне, крепко засели в ней. Это привело к устройству революционных «поселений» в народе.

И весной 1877 г. мы начали форсированным маршем мобилизовать наши наличные силы в деревню. Мы двинули, прежде всего, с этой целью членов «основного кружка», как организаторов поселений, приобщив также к этому движению многих лиц из местных кружков и групп революционеров-народников, вошедших в организацию «Земля и воля». Операционным базисом наших поселений в силу исторических традиций послужили опять-таки Поволжье, Дон и Кубань.

Явились поселения в Саратовской, Самарской, Нижегородской и Астраханской губерниях, на Дону и Кубани. Все эти поселения устроились приблизительно по одному плану, а именно: в ближайшем городе облюбованной землевладельцами для поселений местности устраивался «центр», заведовавший делами местной группы.

Каждая из местных групп представляла собою как бы копию или сколок с основного петербургского кружка: та же структура, те же функции. Местные группы не были обособлены, а, смотря по надобности,

непосредственно сносились между собою. Так, Саратовская и Астраханская группы непосредственно сносились с членами кружка, жившими в Донской области, и проч.

Над всеми группами в качестве согласующего и направляющего центра главенствовал петербургский «основной кружок» общества «Земля и воля». Какое положение занимали народники-революционеры в деревне? «Прежнее догматическое утверждение, требовавшее, чтобы революционер отправлялся в народ в качестве чернорабочего, потеряло свою безусловную силу. Положение человека физического труда признавалось по-прежнему весьма желательным и целесообразным, но безусловно отрицалось положение бездомного батрака, ибо оно никоим образом не могло внушить уважения и доверия крестьянству, привыкшему почитать материальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность. А потому настоятельной необходимостью считалось занять такое положение, в котором революционеру при полной материальной самостоятельности открывалась бы широкая возможность прийти в наибольшее соприкосновение с жителями данной местности, входить в их интересы и пользоваться влиянием на их общественные дела.

В силу этого люди устраивались хозяйственным образом в положении всякого рода мастеровых, заводили фермы, мельницы, маслобойни, лавочки, занимали должности сельских и волостных писарей, учителей, фельдшеров, врачей и проч. Особенно желательным считалось, чтобы в среде поселенцев был, по крайней мере, хоть один человек из уроженцев данной местности».

К этим словам моим, написанным еще в 1883—1884 гг. в неизданных моих воспоминаниях, я должен еще прибавить, что в круг обязанностей деревенщины входила еще деятельность среди раскольников и сектантов, на которых мы в то время возлагали большие надежды. В нашей программе раскол и сектантство чуть ли не стояли во главе угла...

Таким образом, весной 1877 г. общество «Земля и воля» уже крепко стало на ноги. Согласно своей программе, оно прочно обосновывается в деревнях при посредстве целого ряда «поселений» — деревенских организаций, связанных между собою единством цели и плана. Деревенские поселения размещаются в местах, так сказать, наименьшего сопротивления — loci minoris resistentiae, говоря медицинским языком. Это

значит: в местностях, в которых традиции протеста, борьбы еще не заглохли в массе. Так мы, по крайней мере, тогда думали. Мы верили и надеялись, что там, где 200 и 100 лет тому назад разыгрались величайшие исторические драмы народной жизни — бунты Стеньки Разина и Пугачева, где гуляли вольные «ушкуйники» и «ватажки», держа в страхе угнетателей народа, где вольное казачество развернуло и развило в полном блеске *свои* свободные формы жизни, выработало и создало *свои* исконные устои, что там нам удастся создать в народе революционную рать, призванную осуществить народную революцию. Мы думали и верили, что это нам удастся, и двинули в народ *все* наличные наши силы, оставив в городах лишь самое незначительное число работников.

Если мы теперь внимем в то дело, которое задумало общество «Земля и воля», если примем во внимание все те приготовления, которые общество сделало, чтобы осуществить свое дело, то единственно правильный вывод, который можно сделать из данных *фактических* посылок, будет такой: общество «Земля и воля» ясно сознавало, куда оно идет, оно не обманывало себя никакими иллюзиями; оно знало, что его ждет серьезная, упорная и продолжительная работа. И работа началась...

Большинство товарищей — громадное большинство их — обыкновенно жило с фальшивыми паспортами. Это потому, что многие уже тогда были «нелегальными», — во-первых, а во-вторых, — даже некоторые легальные предпочитали тогда пользоваться фальшивыми именами, оставляя свое легальное звание как *последний* ресурс, на *крайний* случай. И это соображение не лишено было практического значения и в некоторых чрезвычайных обстоятельствах действительно выручало нас. Необходимость жить под чужим именем ограничила, однако, на практике возможность широкого выбора мест, должностей и положений, требуемых для широкого революционного воздействия в деревне. Правда, наша «небесная канцелярия» стояла на высоте своего положения: наши паспорта и документы были своего рода шедеврами. Мы не только фабриковали крестьянские, мещанские и другие документы на *жительство*, но из нашей канцелярии выходили прекрасные *аттестаты*, дипломы и свидетельства на звание фельдшеров (фельдшерии), акушерок, учителей и пр., и пр. Конечно, документа-

ми последней категории можно было пользоваться лишь с большой осторожностью, так как обнаружить их подделку при малейшем подозрении не представляло уж никаких затруднений.

Совсем иное дело документы *первой* категории — они сходили у нас очень хорошо. Проверка их систематически началась лишь в последние годы революционной борьбы — в период *террора*, и то лишь в столицах и некоторых крупных городских центрах. Вот почему наши деревенщики устраивались предпочтительнее в положении *сельских* учителей и писарей: образовательный ценз, свидетельство политической благонадежности здесь не требуется. Да и кто обратит особое внимание на каких-то жалких крестьянских «наемников», получающих 8—10 рублей в месяц максимум и кормящихся поочередно по неделям или месяцам у того или другого домохозяина? Кто вздумает контролировать их, шпионить за ними? В то время с *этой* стороны, по крайней мере, в деревне не предвиделось опасностей, да их *фактически* не было. Это — во-первых. А во-вторых, многие из наших товарищей облюбовали это положение еще потому, что оно-де давало им возможность погрузиться, так сказать, в самую гущу народной жизни. Живет себе невидимо сельский учитель или писец где-то в щелях глухой, а порой и убогой деревушки и делает свое дело «без шума»... Уверенность, извольте ли видеть, была тогда еще велика среди нас, уверенность в своих силах, выдержке — не на год и два, а и на более продолжительное время — а *la longue* *, как говорят французы! *Стремление идти в народ, поселиться в деревне было в то время*, замечу мимоходом, господствующим. Рвались туда даже такие наши товарищи, как Плеханов. Наш самый молодой тогда «оратор» выдавался уже своей талантливостью и начитанностью, и на его долю выпала работа среди интеллигенции и городских рабочих. Здесь он был незаменим. И вот вдруг, в один прекрасный день, наш «оратор» заявляет, что решил поселиться в деревне в качестве народного учителя (от земства). Никто из нас не только не опротестовал этого решения Плеханова, но все мы отнеслись очень сочувственно к нему. Да как же иначе? Ведь работа в деревне у нас тогда стояла во главе угла, город же со своими нуждами может подождать: здесь работа имеет лишь служебное,

* долго (фр.).

подчиненное значение! Ну, мы и благословили Плеханова в путь-дорогу!

Помню я одно... собрание приблизительно в первых числах августа. Мы получили известие о том позорном истязании, которому был подвергнут «Андреевич» (Боголюбов-Емельянов) в Доме предв[арительного] заключения и о последующем затем избииении политических заключенных. Партии был нанесен страшный удар, тяжкое оскорбление.

Стон раздался в партии, словно из сердца ее вырвали кусок живого мяса. Крик «Мсть! мсть! смерть oprичнику!» разнесся в партии. Это был *единодушный* крик гнева и негодования, вырвавшийся одновременно из сотен истерзанных грудей!..

Наша колония была тоже глубоко потрясена. М. А. Брешинская сидела совершенно убитая, низко опустивши голову. «Мазыця» (Мощенко) был мрачен, как могила, его черные как уголь глаза сделались еще темнее. Всегда молчаливый и сосредоточенный, он на этот раз словно совсем онемел. Плеханов был бледнее обыкновенного, в глазах его то и дело загорались огоньки, зловещие, боевые, он тоже молчал. «Дворник» казался спокойнее всех, только манера, с которой он закручивал свои усы и дергал свою шелковистую бороду, выдавала его волнение, да и заикаться он стал несколько сильнее обыкновенного.

— Неужели мы будем молчать? — вырвался у меня крик отчаяния посреди этого тяжелого напряженного молчания.

— Ответ будет! Осип! непременно будет: это уж решено! — сильно заикаясь, заговорил «Дворник». Он решительно приподнялся с места и, бросив всем лаконическое «до свидания!», быстро вышел из комнаты. Его, по-видимому, тяготило настроение окружающих. На другой день «Дворник» передал мне и другим членам «основного кружка», что петербургский центр поручил дезорганизаторской группе выработать план убийства Трепова, что с такими полномочиями Валериан Осинский выехал на юг. Мы все, конечно, отнеслись к этому весьма сочувственно. Этого требовала честь всей революционной партии...

<...> Началу 1878 г. суждено было стать прологом к целому ряду крупных революционных актов, определивших в последнем счете радикальный поворот революционно-народнической (землевольской) деятельности в сторону почти исключительно *политической* борьбы. Нам, современникам, стоявшим тогда так близко к этим собы-

тиям и проникнутым тогда революционно-народнической доктриной, и в голову не могло прийти, что мы все вскоре очутимся опять на распутье, что так скоро растеряем наши народнические стремления, надежды и чаяния — и очутимся в конце концов в тупике...

Мы снова водрузили знамя «В народ!» и двинулись туда, чтобы продолжать задуманное дело — дело освобождения народа при посредстве самого народа. «Деревенщина» стала понемногу разъезжаться, в Петербурге остался «центр» с его местными группами, как это полагалось «по положению».

Общественное брожение, вызванное «большим процессом», оказалось лишь рябью на поверхности могучего океана общественной жизни: глубины ее оказались нетронутыми еще. «Море спокойно, только свежий ветерок весело надувает паруса, но над кораблем уже с зловещим криком носятся чайки — буревестники — и моряк знает, что будет буря, хотя еще и не чувствует ее»². И буря действительно разразилась. 24 января 1878 г. раздался выстрел В. И. Засулич. Русская девушка на свой страх и риск решила отомстить за попранное насильником человеческое достоинство, за поруганную честь партии. 31 марта того же года этот великий индивидуальный акт благородного гнева нашел свою высшую санкцию в общественной совести: «В этот день выборные общественные судьи впервые явно отвернулись от целой правительственной системы, в этот день русское общество впервые показало, что оно может не бояться открыто заявлять свои желания и симпатии»³.

— Тяжело подымать руку на человека, — заявила на суде просто В. И. Засулич.

И суд общественной совести ответил ей на это так же просто и величаво:

— Тяжело, но бывает необходимо, а потому ты не виновна!

В истории развития *общественного* сознания 24 января и 31 марта являются лишь прологом той великой исторической драмы, которая называется судом народа над правительством. В истории же развития нашего революционного движения делу Засулич суждено было стать *решительным поворотом* этого движения.

На протяжении каких-нибудь восьми месяцев после 24 января разворачиваются пред нами одно за другим чрезвычайные по внешней форме и внутреннему смыслу события.

30 января вооруженное сопротивление революционеров с Ковальским во главе в Одессе, на Садовой улице. В Киеве почти одновременно раздается выстрел револьвера и блеснуло лезвие кинжала: ранен Котляревский, пал Гейкинг. Первое (покушение) — дело рук Осинского, второе (убийство) — Попко.

В брошюре «Смерть за смерть!», написанной... Кравчинским, заявляется, что программа социалистов — борьба на *экономической* почве, что политические убийства вовсе не метод их борьбы, что это *отдельный эпизод*, вызванный гонениями правительства. Далее в этой же брошюре выставляются ряд совершенно умеренных и законных требований, при исполнении которых повторение событий 4 августа * делалось бы невозможным. Мы никогда не выйдем, — говорится в этой брошюре, — *из пределов самозащиты*, своих же заветных целей мы добиваемся совершенно иным путем **.

В названной брошюре есть одно место, которое невзначай приподнимает завесу с той глубокой трагедии, которую пережил сам Кравчинский, этот великий мститель: «Убийство — вещь ужасная! Только в минуту сильнейшего аффекта, доходящего до потери самосознания, человек, не будучи извергом и вырождаемостью человечества, может лишить жизни себе подобного. Русское же правительство нас, социалистов, нас, посвятивших себя делу освобождения страждущих, нас, обрекших себя на всякие страдания, чтобы избавить от них других, — русское правительство довело до того, что мы решаемся на целый ряд убийств, возводим их в систему!»

Итоги 1878 г. для революционной деятельности выражаются в следующем. С одной стороны — правительство, с его вековой системой репрессий, застенков и всяческих удавок. С другой — революционная молодежь, с ее новыми приемами борьбы, смелыми, решительными, неуловимыми, как ветер степной, дезорганизаторскими приемами.

Правительство все туже и туже затягивает мертвую петлю над обществом: преследования все более и более усиливаются, тюрьмы наполняются; в тюрьмах стон и зубовный скрежет; там, за решетками, бьется и трепещет молодая жизнь; стон из-за решеток и каменных мешков доходит до чуткого

уха революционеров и разрывает им душу; сотни молодых, неокрепших еще сил вырываются из семей и ссылаются на гибель в якутские тундры; новые драконовские законы то и дело выковываются правительством и падают свинцовой тяжестью на личность революционеров, одним словом, реакция в полном ходу, готовая все сокрушить на своем пути. Но нашла коса на камень. Чем туже стягивается железное кольцо правительственного произвола, тем сильнее конденсируется революционное чувство, тем упорнее сосредоточивается революционная воля в *одном* определенном направлении — в направлении отчаянной борьбы с правительством *trêve ni merci* *... *Непосредственная* активная борьба с правительством, в той или другой форме, *фактически* становится стимулом революционных действий людей 1878 г. И революционер становится все более и более агрессивным. Даже внешность его преобразовывается: вместо прежнего чумагого пропагандиста или даже современного деревенщика-народника в косоворотке и высоких сапогах — пред нами теперь джентльмен, весьма прилично одетый. У него за поясом кинжал, а в кармане — револьвер: он не только будет защищаться, но и нападать; он даром не отдаст своей свободы... И революционная хроника этого года вполне подтверждает это. Революционные силы все более и более стягиваются в *город*, борьба все более и более *непосредственно* направляется на правительство — она становится *политической* борьбой...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В программе и революционной практике «Земли и воли» переплелись различные идейные влияния 60—70-х гг. Как установлено позднейшими исследованиями, первая программа «Земли и воли» была составлена осенью 1876 г. На рукописи второй редакции программы проставлена дата — «май 1878 г.». Вторая редакция возникла в связи с тем, что весной 1878 г. часть землевольцев (особенно члены южнороссийских кружков) поставила вопрос о пересмотре тактики — о необходимости перехода к борьбе за политические свободы, об усилении «дезорганизаторской» (т. е. террористической по преимуществу) деятельности. В итоге споров сторонники прежней, «деревенской», деятельности настояли на сохранении основных положений программы 1876 г., внеся в нее лишь некоторые редакционные изменения. Но разногласия между «политиками» и «деревенщиками» этим не были сняты, и через год они привели к расколу «Земли и воли».

² См. газету «Земля и воля». 1878. № 2.

³ Из прокламации «Ко всем честным людям», изданной в «Вольной русской типографии». Перепечатано в журнале «Былое». 1906. № 7.

* 4 августа 1887 г. С. Кравчинский нанес кинжалом смертельный удар шефу жандармов Мезенцеву.

** В 1878 г. террористические акты против отдельных представителей царской администрации производились в отместку за их особую ретивость при расправах с революционерами.

* Без перемирия и жалости (*фр.*).

СОДЕРЖАНИЕ

I

СУДЬБЫ И ВРЕМЯ <i>(Очерки, статьи, зарисовки)</i>	8
Марк Сергеев	—
Верстами не измерить	—
Давид Бутовецкий	16
«Честь и долг велят сражаться»	16
Владислав Романов	28
«Я летаю на собственных крыльях»	28
ПИСЬМА	37
Письма А. Г. Муравьевой из Сибири к родным	—
РАЗНЫЕ ЛИКИ ИСТОРИИ	42
Дмитрий Рац	—
«Отрицательно-добрый человек»	—
Натан Эйдельман	56
Послесловие	56
ВЗГЛЯД С ТОЙ СТОРОНЫ	58
Декабристы глазами их следователя	—
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ <i>(Поэзия декабристов)</i>	73
Владимир Раевский	—
Певец в темнице	—
Предсмертная дума	74

II

СУДЬБЫ И ВРЕМЯ <i>(Очерки, статьи, зарисовки)</i>	76
Борис Костин	—
«Мы, на смерть идущие, вам клянемся...»	—
Ирина Желвакова	94
Он успел стать только героем	94
ВОСПОМИНАНИЯ	111
Сергей Синегуб	—
Воспоминания чайковца	—
Осип Аптекман	117
Общество «Земля и воля» 70-х гг.	117
ВЗГЛЯД С ТОЙ СТОРОНЫ	122
Из дневника министра внутренних дел Петра Валуева	—
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ <i>(Поэзия революционного народничества)</i>	129
Петр Якубович	—
Обряд окончился позорный...	—
Ночь. Тихо... Ни стонов, ни слез...	—
Смолк честный голос убежденья...	130

III

СУДЬБЫ И ВРЕМЯ <i>(Очерки, статьи, зарисовки)</i>	132
Юрий Аксютин	—
Александр Шляпников	—
Геннадий Жаворонков, Владимир Парийский	154
В немилость впавший	154
Степан Бардин	162
«Ленинградское дело» глазами очевидцев	162
РАЗНЫЕ ЛИКИ ИСТОРИИ	175
Генрих Иоффе	—
Керенский и Корнилов. Разрыв	—
ЗА СТРОКОЙ АРХИВНОГО ДОКУМЕНТА	187
Из личных архивов	—
Зинаида Перегудова	197
Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением	197
ВОСПОМИНАНИЯ	206
Виктор Боруля	—
Встречи	—
Юрий Флаксерман	213
Из лагерной жизни	213
ПИСЬМА	222
11 писем потемкинца	—
Боль сердца нашего...	226
Письмо 1936-го	236
СУДЬБЫ ОТЦОВ — СУДЬБЫ ДЕТЕЙ	239
Татьяна Языкова	—
Моя семья, которой нет	—
Юлия Муралова	251
О том, что никогда не забудется	251
ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ПОЛИТИКА	265
Лев Троцкий	—
Из «Истории русской революции»	—
ПИСАТЕЛЬ И ИСТОРИЯ	280
Альберт Плутник	—
Как Фейхтвангер грозил Гитлеру кулаком Сталина	—
ВЗГЛЯД С ТОЙ СТОРОНЫ	292
Павел Милюков	—
Мой доклад о внутреннем положении России	—
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ <i>(Поэзия Октября)</i>	306
Мартемьян Рютин	—
Старик-большевик	—
ФОТОГАЛЕРЕЯ «ФАКЕЛА»	311